

негодования в массах. Становилось необходимым сдержать их. Но во имя чего? Во имя открыто признанного интереса буржуазии? Это было бы слишком цинично. Чем более какой-либо интерес несправедлив, негуманен, тем больше он нуждается в прикрытии какой-либо санкцией. А где взять ее, если не в религии, этой доброй покровительнице всех сытых и столь полезной утешительнице всех голодных? И больше, чем, когда-либо, торжествующая буржуазия почувствовала, что религия абсолютно необходима для народа.

Получив все свои нетленные права на славу в оппозиции, как в религиозной и философской, так и в политической, в протестах и в революции, она сделалась наконец господствующим классом и благодаря этому защитницей и охранительницей государства, которое, в свою очередь, сделалось правильным институтом для установления исключительной власти этого класса. Государство есть сила, и прежде всего оно имеет за собой право силы, победоносную аргументацию ружья с наведенным курком. Но человек так странно устроен, что эта аргументация, как она ни кажется убедительной, ненадолго убеждает его, чтобы внушить ему почтение, ему абсолютно необходима какая-нибудь моральная санкция. Более того, нужно, чтобы эта санкция была столь очевидна и проста, чтобы она могла убедить массы, которые, будучи укрощены силой государства, должны быть приведены затем к моральному признанию его права.

Есть лишь два способа убедить массы в годности какого-либо общественного учреждения. Первый – единственно реальный, но в то же время и более трудный, ибо влечет за собою уничтожение государства, т. е. уничтожение политически организованной эксплуатации большинства каким-либо меньшинством, – это было бы непосредственное и полное удовлетворение всех потребностей, всех человеческих стремлений народных масс. Это было бы равносильно полной ликвидации как политического, так и экономического существования класса буржуазии и, как я уже говорил, уничтожению государства. Это средство было бы, без сомнения, спасительно для масс, но губительно для буржуазных интересов. Следовательно, о нем говорить не приходится.

Поговорим же о другом средстве, которое, будучи губительно лишь для народа, выгодно, напротив, для спасения буржуазных привилегий. Это другое средство может быть лишь религией. Это вечный мираж, увлекающий массы к изысканию божественных сокровищ, между тем как гораздо более скромный в своих желаниях господствующий класс довольствуется разделом между членами своего класса – впрочем, весьма неравным и всегда давая больше тем, кто больше имеет, – разделом тленных благ земли и человеческого достоинства народа, понимая под этим его политическую и социальную свободу.

Нет и не может существовать государства без религии. Возьмите самые свободные государства в мире, например, Соединенные Штаты Америки или Швейцарскую конфедерацию, и посмотрите, какую важную роль Божественное Провидение, эта высшая санкция всех государств, играет во всех официальных речах.

Но всякий раз как глава государства, будь то Вильгельм I, император кнуто-германский, или Грант, президент Великой Республики, говорит о Боге, будьте уверены, что он снова готовится стричь свое стадо – народ.

Французская буржуазия, либеральная, вольтерьянская и своим темпераментом толкаемая к позитивизму, чтобы не сказать к материализму – исключительно узкому и грубому, – сделавшись в 1830 г. государственным классом, должна была неизбежно создать себе официальную религию. Это было нелегко. Она не могла, не щадя себя, подставить свою шею под иго римского католицизма. Между нею и римскою Церковью лежала целая пропасть, заполненная кровью и гневом, и как бы люди ни сделались практичны и умны, им никогда не удастся подавить в своей груди пыл исторически развившегося чувства. К тому же французская буржуазия поставила бы себя в смешное положение, если бы она вернулась к Церкви, чтобы принять участие в набожных церемониях божественного культа – основное условие почтительного и искреннего обращения. Многие пробовали это, но их героизм не имел иных результатов, кроме бесплодного скандала. Наконец, возвращение к католицизму было невозможно по причине неразрешимого противоречия, существовавшего между неизменной политикой Рима и развитием экономических и политических интересов среднего класса.

В этом отношении протестантство гораздо более удобно. Это по преимуществу религия буржуазии. Оно предоставляет как раз столько свободы, сколько ее необходимо для буржуазии, и оно нашло способ примирить небесные стремления с почтением, которого требуют себе земные интересы. Поэтому мы видим, что торговля и промышленность развились особенно в протестантских странах. Но для буржуазии Франции было невозможно стать протестантской. Чтобы перейти из одной религии в